

П. В. ЛИНТУР

ДЕРЖАВИН И ЛИТЕРАТУРА ЗАКАРПАТЬЯ XIX СТОЛЕТИЯ

Эта статья является продолжением нашей работы «Традиции русского классицизма в литературе Закарпатья XIX в.»,¹ в которой мы подчеркиваем генетическую и органическую общность письменности Угорской Руси с культурной жизнью Украины и России на протяжении всего средневековья и нового времени. Закарпатье, захваченное еще в начале XI столетия венгерскими феодалами, бережно хранило древнерусские традиции, не прерывало исторических связей с материнскими землями, несмотря на географические и политические преграды, и в первой половине XIX в. включилось в общий процесс литературного Возрождения славянских народов.

В вышеназванной работе главное внимание мы уделили М. В. Ломоносову. Продолжая развивать ту же тему, мы хотим более подробно остановиться на влиянии Г. Р. Державина на закарпатских писателей XIX в.

Державин был первым русским поэтом, получившим признание в Европе и оказавшим большое воздействие на литературы славянских народов. Вопрос о значении державинской поэзии для развития славянских национальных литератур мало разработан в советской науке, и постановка его является актуальной.

Что подготовило почву для триумфального шествия русской классической литературы по славянским землям и почему именно державинская поэзия покорила сердца славянских читателей? Таковую почву подготовила победоносная война России на Балканском полуострове за освобождение поработанных феодальной Турцией христианских народов и победоносная война с наполеоновской Францией, показавшая героизм русского солдата, неисчерпаемые силы великого народа.

Славяне воочию познакомились с русскими людьми, увидели «старшего брата» и поверили в его историческую миссию. И с тех

---

¹ Русская литература XVIII века и славянские литературы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 123—136.

пор взоры славянских народов, стонавших под немецким и турецким игом, обращались с надеждой к России.

Перед глазами чешских, словацких, сербских, болгарских читателей вставали героические образы русских солдат и полководцев, разбивающих вековые цепи «младшего брата», приносящих долгожданную свободу.

Именно такой величавый, героический образ русского человека рисовала державинская муза, поэтому она доходила до сердец, близких по языку и крови.

Примером триумфального шествия русской классической литературы по славянским странам может служить Угорская Русь — самый отсталый в экономическом и культурном отношении уголок Европы, где в первобытных горах и лесах коротал свой век забитый и неграмотный украинский крестьянин — русин. Но и до него дошла весть о героических подвигах русского народа. «Москаль (русский солдат, — П. Л.) француза голодом и зимов у полях при Москві цілу армадію заморозив и так его нагнав до французської землі», — читаем в летописи под 1813 г. захолустной деревни Гукливое.² И нельзя не почувствовать в этих простых словах верховинского дьячка радости и гордости за свой великий народ.

Сочинения Г. Р. Державина проникали в Угорскую Русь легальными и нелегальными путями. В местных книгохранилищах сохранились издания начала, середины и конца прошлого столетия, например: «Сочинения Державина», в типографии А. Смирдина, СПб., 1831; «Сочинения Державина», СПб., 1872, и др.

Учителя средних школ и их ученики нередко пользовались пособиями по русской литературе, изданными в России. Так, известная «Историческая хрестоматия» А. Галахова (1861), содержащая множество текстов классической литературы XVIII в., в том числе 18 произведений Г. Р. Державина, найдена нами в ряде школьных и личных библиотек Закарпатья.

А когда в Угорской Руси появилась своя пресса (середина XIX в.), то тексты русских классиков стали перепечатываться на страницах альманахов, календарей — «месяцесловов», журналов, газет. Например, в альманахе «Поздравление русинов на 1852 год» местный писатель и общественный деятель А. В. Духнович перепечатал оды Г. Р. Державина «Бог» и «Бессмертие души»; в «Месяцеслове» за 1868 г. перепечатана «Ода к богу», в журнале «Листок» — «Счастлирое семейство», и др.

Во Львове в 1830 г. вышла отдельным изданием на русском, польском и немецком языках та же ода «Бог».³ В хрестоматии

² А. Петров. Материалы для истории Угорской Руси. СПб., 1906, вып. IV, стр. 37.

³ «Бог», ода Гаврила Романовича Державина на русском, польском и немецком языках типом и иждивением Института Ставропигийского в Лвигороде, 1830.

И. Ф. Головацкого «Русская книга для чтения»⁴ ода «Бог» перепечатана кирилловскими и латинскими буквами.

Отдельные строфы из державинских сочинений берутся галицкими и закарпатскими поэтами как эпитафии к их собственным стихотворениям. Так, стихи «Там всюду ужас, стон и крики, там смерть, боязнь» служат эпитафией к стихотворению С. Лисенецкого «Воззрение страшилища», написанному по случаю наводнения в Будапеште 1838 г., стихи «Так счастлив, так благополучен и так блажен тот человек, кто с честью, с правдой не разлучен» — эпитафией к оде И. Левицкого «Стих во честь Василию Поповичу», 1838 г.,⁵ и др.

Сравнительно широкое распространение державинской поэзии в Закарпатье дает основание говорить о творческом воздействии ее на местных поэтов. Буржуазные исследователи (В. Францев, Е. Недзельский, Н. Бескид⁶ и др.) дальше констатирования самого факта этого воздействия не идут. И советские литературоведы⁷ до сих пор не занимались разбором творчества закарпатских писателей с целью выявления в нем державинских мотивов.

Ставя вопрос о традиции русского классицизма в литературе Закарпатья XIX в.,⁸ мы выдвигаем на первый план Державина, ибо его могучий талант вдохновлял почти всех местных поэтов на протяжении всего столетия.

Писатели того или иного поколения воспринимали державинскую музу по-разному — в зависимости от их мировоззрения, социального положения, исторической обстановки. Александр Васильевич Духнович (1803—1865), его сверстники и соратники, вступившие на литературное поприще до революционных событий 1848—1849 гг., отдавали предпочтение религиозно-философским одам Державина и в их стиле писали свои произведения. И это естественно. Воспитанникам католическо-униатских школ,

⁴ Русская книга для чтения, часть поэтическая. Сост. И. Ф. Головацкий, Вена, 1860, стр. 146—153.

⁵ И. С. Венцицкий. Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в первую половину XIX в. СПб., 1906, стр. 102.

⁶ Е. Л. Недзельский. Очерк карпаторусской литературы. Ужгород, 1932, стр. 149, 178, 229; Н. А. Бескид. А. В. Духнович и его поэзия. Ужгород, 1930.

⁷ И. К. Борисов. Писатель-просветитель Закарпатья середины XIX ст. Александр Духнович. Автореферат дисс. канд. филол. наук, Ужгород, 1953; В. Л. Микитась. О. В. Духнович, литературно-критичний нарис. Ужгород, 1959; А. В. Машталер. Просветительская деятельность и педагогические взгляды А. Духновича. Киев, 1965; Т. М. Чумака. Творчество закарпатских писателей середины XIX в. (Духнович, Павлович) и литература чешского и словацкого возрождения. Автореферат дисс. канд. филол. наук, М., 1965; и др.

⁸ П. В. Линтур. Влияние русской литературы на творчество закарпатских писателей XIX века. — Наукові зап. Ужгородського унів., т. XX, 1956, стр. 131—146; П. В. Линтур. Литературные течения в Закарпатье XIX столетия. — «Доповіді та повідомлення Ужгородського унів., Серія філологічна», 1961, № 7, стр. 41—46.

священникам и монахам, верноподданным Габсбургской монархии больше нравились такие стихотворения, как «Бог», «На смерть кн. Мещерского», «Водопад», чем «Фелица», «Видение мурзы», «Вельможа», «На переход через Альпы», «На взятие Варшавы».

Ученики и последователи Духновича — Иван А. Сильвай (1838—1904), Юлий И. Попрадов (1850—1899), Евгений А. Фенцик (1844—1903) и другие, «пробужденные» революцией 1848 г., захваченные освободительной борьбой южных и западных славян за свою независимость, увлекались главным образом патриотической лирикой Державина.

Узкие рамки статьи не позволяют раскрыть нашу тему со всей обстоятельностью и полнотой, и мы вынуждены ограничиться кратким анализом творчества двух наиболее типических представителей «будительской» литературы Закарпатья: творчества А. В. Духновича — представителя старшего поколения писателей — и творчества Е. А. Фенцика — представителя младшего поколения.

Под непосредственным влиянием религиозно-философских од Державина написаны такие стихотворения А. Духновича, как «Мысль о бозе», «Надежда на бога», «Вечность» и др. В первом из них находим параллельно-контрастное изображение величия бога и ничтожества человека. Автор развивает мысль о невозможности для нашего разума постигнуть бога, ибо мысль, дерзнувшая вознестись к богу, исчезает в его величестве:

Я — слабый червь, ты — всесилен,
Я пепел, глина и прах,
Ты, боже, сам всем обилен,
Мне позрети на твоя страх.
Ты дух духов и бог богов,
А я ничь перед тобою,
Ты живой во веки веков,
Ты владеешь всем мною.⁹

Бросается в глаза идейно-стилистическое сходство этого стихотворения с державинской одой «Бог»: та же центральная идея, тот же прием противопоставления, те же выразительные средства (выделенные разрядкой слова означают текстуальное совпадение).

Стихотворение «Вечность» очень близко по идейному замыслу к оде Державина «Водопад», в которой философские и политические раздумья автора переплетаются с живописными картинами природы. Внезапная смерть всемогущего фаворита царицы Потемкина в бессарабской степи, где его труп пролежал целую ночь на голой земле, наводит поэта на мысль о брен-

⁹ А. Духнович. Поздравление русинов на год 1851. Виден, 1850, стр. 18.

ности мирской славы и заставляет нарисовать контрастную картину роскоши и славы при жизни вельможи и строгой простоты и одиночества на смертном одре. Жизнь человека — «мечтание пустое» и исчезает внезапно, как тень:

Где слава? Где великолепье?
Где ты, о сильный человек?
Мафусанла долголетье
Лишь было б сон, лишь тень наш век,
Вся наша жизнь не что иное,
Как лишь мечтание пустое.¹⁰

С этими раздумьями Державина перекликаются мысли Духновича в стихах:

Се один безумным выходом
Вознесся вселены на трон,
Все смешает шутым разводом,
Як безопасный фаетон;
Другий гордым духом приходит,
Бунт, мятеж и войны наводит —
Третий сыплет на нивы глад,
Нося земному смерть и хлад.¹¹

Обращаясь к царям и вельможам и призывая их «возлюбить правду», Державин говорит, что вечная и незабвенная слава переживет только того, кто служит народу, правде и добру и кто заботится о счастье всех людей.

Духнович в оде «Вечность» утверждает ту же идею, однако он, используя державинскую лексику и фразеологию, державинские приемы контраста и гиперболизации, дает образ «вечности» вне пространства и времени:

Там пространство без меры, без чисел,
Которое острейшая мысль,
Когда познати желаеш,
Як искра гнеть пропадает
И ум в слабости падает.
Сие мы Вечность называем,
Неизмерное существо,
Без начала цель узнаваем
Безестественно естество,
Что было, есть, будет без творца.
Начала не зная, ни конца,
В себе от себе сложено,
И никогда воплощено,
Тли, смерти неискусно.¹²

Можно было бы также сопоставить стихотворения Духновича «Последняя моя песнь» и «Образ жизни» с державинскими «На смерть Мещерского» и «Река времен в своем стремленьи».

¹⁰ Г. Р. Державин. Стихотворения. Изд. «Сов. писатель», Л., 1957 («Библиотека поэта», большая серия), стр. 187.

¹¹ Поэзии Александра Духновича, з перводруков собрав, житепись написав и пояснення додав Др. Франтішек Тихій. Ужгород, 1922, стр. 40.

¹² А. Духнович. Поздравление русинов на год 1851, стр. 16.

Очевидно, религиозно-философские оды Державина произвели на Духновича самое сильное впечатление, но закарпатский поэт-будитель знал и ценил все творчество своего великого учителя. Если вдумчиво прочитать его стихотворение «О придворной жизни», нельзя не заметить, что оно навеяно сатирическими одами Державина, в частности «Вельможей».

Картина придворных нравов, изобличающая лесть, притворство, пустоту, низкопоклонство и другие пороки высшей знати, аналогична в том и другом произведении. Духнович, подобно Державину, высмеивает придворного вельможу, который готов всячески унизиться, чтобы снискать милость «Властителя:

Коль господин мой смутился,
тогда я ся засмутил,
коль он плясал, веселился,
я с ним ся все веселил,
коль уныло болезновал,
я ему страстно съжалел
и хотяя боль не чувствовал,
тучею горько слезил...
Словом, я всегда ему жил,
ему спал, вставал и ел,
ему телом, духом служил,
но я его не любил!
Бо то есть став придворного,
чтобы он и свой не был,
чтобы его — покорного
Властелин видел, любил.¹³

Духнович вслед за Державиным клеймит придворных вельмож за жестокое их обращение с подчиненными и слугами.

Традиции русского классицизма продолжаютя и у младших сверстников Духновича. Например народный поэт Пряшевской Руси Александр И. Павлович, прозванный «маковицким соловьем», в своей молодости принес значительную дань этому направлению (см. его оды-послания «Духу неустрашимого ратоборца Угорской Руси А. И. Добрянскому», «Памяти Александра Васильевича Мартяка», «Памяти 3 годов мною проживших у св. Юра во Львове» и др.).

О том, как державинская муза волновала горячие сердца молодых патриотов Закарпатья, трогательно рассказывает Иван Сильвай в своем автобиографическом стихотворении «Хижина моя»: ¹⁴ «... а в особенном уголку ... самогласна лира || таит на струнах песенку из надземного мира...; || как я подрос и стал умней, || молиться учил при ней; || при ней я в первый раз от роду || склонив колени изнемог, || Державина услышав оду... || Когда же пил я Пушкина || „Фонтан Бахчисарайский“ || — им освежилась хижина, || в ней стало все по-райски».

¹³ Поэзіі Александра Духновича, стр. 32—33.

¹⁴ Рукопись. (Из частного собрания автора. — Ред.).

И. Сильвай вошел в историю литературы как самый крупный закарпатский прозаик, но он оставил после себя и солидный сборник стихотворений. В нем державинские мотивы встречаются довольно часто (см. «К богине Правде», «Радуга», «Ода, посвященная памяти батька Константина Матезонского»¹⁵ и др.).

Державин был учителем в поэзии и для молодого Юлия Ив. Ставровского-Попрадова (см. его стихотворения «Страдание славян», «Прощание», «Родина» и др.), даровитейшего закарпатского поэта XIX в., который в 80-е годы под влиянием Пушкина порвал узы классицизма и вышел на широкий и свободный путь творческого вдохновения.

Но ярче всего державинские традиции выражены в патриотических стихотворениях Евгения Андреевича Фенцика, плодовитого писателя и заслуженного общественного деятеля второй половины прошлого века, издававшего на протяжении 20 лет журнал «Листок». Этот журнал в тяжелые годы политической реакции являлся единственным очагом культурно-национальной жизни Угорской Руси. Е. Фенцик еще студентом Венского университета загорелся идеей славянского содружества, изучил все славянские языки и литературы (позже он написал первую на Украине историю славянских литератур) и стал убежденным сторонником освободительного движения балканских славян. Когда сербский и болгарский народы взялись за оружие, чтобы с помощью России свергнуть позорное турецкое иго, Е. Фенцик приветствовал их борьбу пламенными стихами. Он посвящает балканской войне 1877—1878 гг. целый цикл прочувствованных стихотворений, прославляющих героизм русского народа («Прорицание», «Русской солдатке», «Полночное видение», «Плевна», «Славянам», «Русскому народу» и др.). Эти стихотворения созвучны державинским победно-патриотическим одам. Приведем отрывок из «Плевны»:

Привет вам, дымящи от крови окопы,
Восторгом и грустью дышущий привет.
Из-за вас славянам блеснул луч свободы,
Под вами России спит гордость и цвет!
Неволя, злодейство лет пятьсот держали
Под страхом кинжала Болгарию всю,
Но Россы насилья злу цепь разорвали —
Ты видела, Плевна, их в страшном бою...
Ты видела — братья с какою отвагой
Бросались за братьев на штыки в огонь!
Весь мир был тронутый великою драмой,
Одни паразиты плескали в ладонь...
Да, русская кровь лилась, а Запад злорадно
Глумился, плясал, освещая окна,
Забыв, что под Плевной как Феникс внезапно
Опять обновится славянска мечта.

¹⁵ Конст. Матезонский — учитель И. Сильвая.

Мы видели, Плевна, от крови геройской
Как рдели за братьев редуты твои
И как умирало родное нам войско,
Чтоб смертью привести в жизнь желанья свои...¹⁶

Итак, поэзия Г. Р. Державина оказала благотворнейшее влияние на закарпатских писателей-«будителей» XIX столетия.

Почему именно Державин оставил такие глубокие следы в литературе Угорской Руси да и во всех славянских литературах? Во-первых, потому, что он был самым крупным русским поэтом допушкинского времени, во-вторых, потому, что он воспел героизм русского народа в войне с вековыми поработителями славян и, в-третьих, потому, что его творчество разрушало узкие рамки классицизма и предоставляло художнику слова свободу и широкие просторы.

---

¹⁶ Газета «Карпаторусский голос», 1933, 17 июня.